

вазы и статуи «Нептун» и «Флора Фарнезская» конца XVIII века, ставшие как бы оборудованием ресторана. Теперь боги любят на едущих и пьющих. Интересно, что на тему торжества уродства и нелепости думают КГИОП, как бы охраняющий этот памятник архитектуры федерального значения, а также Русский музей.

Но этого мало, во дворце открылась вторая очередь Музея шоколада. Первая находится на ул. Жуковского — примерно напротив дома, в котором жил прежний губернатор, обожавший кич во всех его формах. Теперь кич высадился на Невском: на тротуаре, загораживая проход, навечно установлен темно-коричневого (шоколадного) цвета монстр высотой три метра с плакатом, снует негр-завывала («Я шоколадный заяц, я ласковый мерзавец!»), раньше замеченный у входа в ресторан «Русский китч». Все потонуло в безвкусице. Сам же «музей» мизерабелен: магазинчик в душном подвальном помещении, где продают изделия из шоколада. Цены за кондитерский кич очень высокие: «Петух» 140 руб., «Сердце» 360 руб., бюст Петра I (белый) 500 руб., «Бюст вождя» малый (белый и черный) 500 руб., «Бюст вождя» большой (белый и черный) 3000 руб. Под «вождем» понимается Ленин, его можно купить и съесть.

ТЕРРИТОРИЯ ГЛУПОСТИ. Как писал Ежи Лец, куда глупость ни ступит, там и есть ее территория. В очередной раз не дает покоя Парк 300-летия, где неугомонный Общественный совет решил прикопать в землю 24 рулевых пера от атомных подводных лодок, российских и американских. И назвать это памятником «От мечей к оралам». Инициатором проекта стал член Общественного совета, главный конструктор «Рубина» И. Спасский (см. «Город», 2004, № 8).

Что касается Общественного совета, то это уже его третья попытка нанести городу пользу в сфере создания памятников. Первая попытка — провалившийся весной 2002 г. конкурс проектов памятника 300-летию города. Вторая — бессмысленный памятный знак на Посударевом бастионе Петропавловской крепости, созданный в соответствии с идеей Д. Гранина. Теперь новая инициатива. Напомню, что на территории города уже есть два подобных объекта (закопанные в землю куски подлодок). Первый — около Музея подводных сил России им. Маринеско (Кондратьевский пр., 83/1). Второй — памятный знак подводникам-балтийцам, открытый 9 мая 2000 года в Кронштадте. Это закатанная в асфальт, установленная посреди улицы рубка подводной лодки С-156 «Комсомолец Казахстана», которую в местной газете назвали символом живо погребенного Российского флота.

Вроде бы губернатор высказался в пользу того, чтобы памятники в городе устанавливали только после одобрения Общественным советом. Так что за «монументалку» можно теперь особо не волноваться.

Михаил ЗОЛОТОНОВ

уточнение

В номере 12 журнала «Город» по техническим причинам была неверно указана дата планируемого завершения строительства нового здания Государственного исторического архива (не 25 ноября 2005 года, а 25 ноября 2004 года). Приносим извинения читателям и Управлению делами президента.

ЮНЕСКО. В связи с уничтожением архитектуры исторического центра Петербурга многие вспоминают про ЮНЕСКО. Дескать, центр Петербурга и пригороды включены в список всемирного наследия ЮНЕСКО как средовой феномен, так вот не могут ли они нам помочь... На ловца и зверь бежит. В апреле 2003 года ко мне вдруг обратился представитель России в ЮНЕСКО Владимир Сергеев. Не знаю, кто он, наверное, какой-нибудь полковник КГБ в недалеком прошлом, а фамилия Сергеев — псевдоним, как это у них принято. А может быть, нынешняя должность — прикрытие... Сергеев предложил, чтобы я задал вопросы генеральному директору ЮНЕСКО г-ну Мацуре, и таким образом тот «прозвучал» бы в нашей печати. Сказал, что задать можно только три вопроса, например, про уничтожение талибами буддийских статуй (тогдашняя злоба дня) и т. п.

Вопрос для Петербурга, конечно, актуальный, поэтому я ответил, что вопросы могут быть только про Петербург. Сергеев согласился. Первый мой вопрос был связан со строительством второго здания Мариинского театра («...Не кажется ли вам, что современные имплантаты, внедряемые в наш "средовой феномен", провоцируют утрату Петербургом тех качеств, которые позволяют ему быть в списке всемирного наследия ЮНЕСКО? Не стоит ли принять программу самого строгого охранительства и не может ли ЮНЕСКО сказать свое веское слово...»), второй вопрос был посвящен выселению архива из Сената и Синода, а третий был таким: «Есть Венецианская хартия охраны памятников, согласно которой руины надо консервировать. И вместе с тем Константиновский дворец в Стрельне едва ли не заново выстроен. Аналогичная история с Янтарной комнатой в Екатерининском дворце Царского Села. У нас утрачен вкус к подлинности, что является следствием общей культурной деградации. В Москве такое совершалось давно, теперь "обновители" добрались и до Петербурга. Может ли ЮНЕСКО определенно высказаться по этому поводу?»

Поблагодарив за присланные вопросы, В. Сергеев быстро ретировался: «Беда в том, что в связи с беспрецедентными мерами по обеспечению безопасности самых высоких гостей юбилейных мероприятий я не смогу устроить журналистам "доступ к телу". Чтобы наше сотрудничество не заглохло в зародыше, предлагаю ваше интервью перенести на более благоприятный период. Более того, может быть, его адресовать не генеральному директору, а его заместителю по культуре Муниру Бушнаки, который смог бы не поверхностно, а глубже, как специалист, ответить на Ваши вопросы. Устроит ли Вас такое предложение?»

Меня оно, конечно, устроило, хотелось хоть какого-то международного скандала, но продолжения история не имела, и вряд ли мои вопросы до г-на Бушнаки дошли.

Daniel Biskup

Недавно расположенный на Мойке «Елисей Палас отель» был принят в ассоциацию ведущих малых отелей мира — Leading Small Hotels of the World. Это единственный входящий в ассоциацию отель с российской компанией-владельцем и русским менеджментом. «Елисей Палас отель» входит в холдинг «Центр гуманитарного и делового сотрудничества», который возглавляет Александр Ебралидзе. Имя Ебралидзе часто упоминается в прессе, хотя публичных высказываний он обычно старается избегать.

— Все знают, что вы являетесь владельцем клуба «Талион», но мало кто понимает, почему у него такое странное название.

— «Талион» дословно с латинского означает «возмездие». Око за око, зуб за зуб. Если быть очень кратким, к этому названию меня привело определенное осмысление жизни. Определенный этап. Это 1995 год. Скажем так: возмездие путем созидательного труда. Возмездие путем созидания. На этом я хотел бы остановиться.

— То есть строительство «Талиона» было созданием?

— Весь проект разделен на четыре части. Первая — это Талион Клуб, который был открыт в 1997 году. Второй частью стал «Талион-2»: в результате реконструкции внутреннего двора площадь Талион Клуба увеличилась с 5 до 10 с половиной тысяч квадратных метров, к самому клубу прибавились 29 гостиничных номеров, фитнес-центр, тренажерный зал, новые бары и рестораны.

Солдаты группы Центр

А «Талион-3», к реализации которого мы уже приступили, охватывает пространство от Мойки до Большой Морской и от Невского проспекта до института имени Бонч-Бруевича — чуть больше, чем полквартала. Количество гостиничных номеров «Елисей Палас отеля» будет увеличено до ста. Появится новый киноконцертный зал на 600 — 700 посадочных мест: он будет занимать площадь нынешнего кинотеатра «Баррикада». А еще на крыше здания будет построен плавательный бассейн с видом на Александрьевский столп. «Талион-4» станет следующим этапом, который начнется после завершения работ по «Талиону-3». Сейчас мне не хотелось бы рассказывать о нем в деталях.

— Сколько лет простоят здание после проведенной вами реконструкции?

— 100 лет точно. Но поймите, мы смотрим на вещи по-другому: ремонтно-реставрационные работы ведутся у нас каждый день. Здесь нет потребительского отношения к зданию.

Каждый, я подчеркиваю — каждый работающий обязан сдать... назовем это зачетом по истории дома, истории города, истории страны. Обязан. Лично я убежден, что абсолютно все неодушевленные предметы, которые нас здесь окружают, на самом деле живые. Дом и по сей день стоит на деревянно-каменном фундаменте дворца Елизаветы Петровны, построенного для нее архитектором Растрелли. И та особая аура, которой мы здесь дышим, идет именно от этого фундамента. Поэтому здесь все бережно сохраняется и бережно излагается история дома и всего этого места.

— Помимо «Талиона» у вас есть и другие проекты. Например, бывшее здание Дома писателя. Зачем оно вам?

— Мы сделали главное — спасли здание от окончательного разрушения. Там сейчас ведутся реставрационные и отделочные работы. Это очень сложный проект, работаем мы над ним планомерно и закончим, наверное, в 2008 году, не раньше.

— Писали, что этот проект делается «на продажу»...

— Я никогда не говорил, что Шереметевский особняк на Кутузовской набережной будет продан. Я просто говорил и говорю, что данная реконструкция не исключает и продажи. Это разные вещи.

— Вы в курсе истории с Домом журналиста на Невском проспекте?

— Высказать свое личное мнение по этому поводу было бы неправильным — потому что я не знаком с фактическим материалом. Но я знаю точно: под различными высокими словами часто скрывается личная выгода и личная заинтересованность.

— Правильно ли сводить все разговоры только к тому, что теперь модно называть «спором хозяйствующих субъектов»? Есть в городе и знаковые места. Вот, например, пресса волнуется о судьбе «Идеальной чашки», которая оказалась в купленном вами здании.

— Для страны и для города действительно есть некие знаковые вещи. И их надо сохранять. На «Идеальную чашку» на первом этаже «Баррикады» я сегодня пошел и посмотрел... Понимаете, это лирика, о которой можно говорить до бесконечности. Во-первых, «Идеальная чашка» — не показателю Петербурга — хотя бы потому, что эта сеть существует всего несколько лет. И если уж говорить о показателе Петербурга, то это — ресторан «Талон», который находился здесь в пушкинские времена.

— Известно, что центр города находится в ужасающем состоянии. У вас есть свои рецепты — что со всем этим делать?

— На сегодняшний день то наследие, которое нам оставили наши предки, находится в очень плачевном состоянии. Поэтому мы должны делать совершенно конкретные вещи для того, чтобы сохранить то, что нам досталось. Зубная боль не может пройти сама: ее надо лечить. Можно до бесконечности обсуждать, как эту боль лечить, а можно сделать что-то конкретное. Я считаю, что к вопросу сохранения центра Петербурга надо подходить кардинально, радикально. И проводить только «видимые» работы для этого недостаточны. Вот, прямо перед вами, напротив Строгановского дворца, был пожар, горела библиотека. И чем же это закончилось? Залатали крышу, и все. А ведь пожар был, наверное, еще и потому, что перекрытия этого здания до сих пор деревянные. Поэтому надо не крышу латать, а менять перекрытия, укреплять фундамент, укреплять стены... Надо тратить на это деньги. Серьезные деньги.

— А кто их должен тратить — инвесторы? Ведь это невозвратные средства?

— Почему же, эти деньги возвратятся — в том случае если здание отдано в частные руки, то инвестор думает, как его перестроить и приспособить его к определенному виду бизнеса. — Так в чем же проблема?

— Подавляющее большинство зданий в центре Петербурга является федеральной собственностью. Для них не выработана четкая система передачи в частные руки. Здесь есть два выхода: если здание государственное, то государство и должно выделять деньги на реконструкцию, сохранение и содержание здания. К сожалению, на это у государства часто не хватает средств. Соответственно, необходимо выработать некую систему, которая позволит частным инвесторам участвовать в этом процессе.

— Считается, что реконструкция исторических зданий мешает необходимости расселения коммунальных квартир...

— Коммунальные квартиры расселять тяжело. Войдите в любую коммунальную квартиру из тех, что расположены здесь, взгляните, в каких условиях живут эти люди (называя вещи своими именами, это — оскорбительные условия для проживания человека), и поинтересуйтесь, какие условия им предлагаем мы. Каждая семья или человек, зарегистрированные на этих площадях, получают отдельную квартиру. Там, где выберут сами. Чаще это центр, в других случаях — Васильевский остров или Приморский район. Большинство людей с большим энтузиазмом выбирают себе жилье. Вот смотрите: семья жила в комнате 20,8 метра, переехали на Казанскую, 4, в однокомнатную квартиру — 41,9 метра. Дальше: 5 человек прописаны в комнате 20,8 метра, получили: 2 двухкомнатные — на Большевиков и на Новоселов. Вот еще: муж и жена, разведены. Прописаны на 13,7 метра. Она переехала на 16-ю линию — получила комнату в двухкомнатной квартире, он — выбрал двухкомнатную на Можайской, 40. Таких примеров можно привести еще несколько десятков...

— **Говорят, жители коммунальных квартир в центре порой выдвигают совершенно неподъемные для инвесторов условия.**

— Чаще всего у людей нормальные потребности. У нормальных людей. Бывают и трудные ситуации: в одной из расселенных нами комнат было зарегистрировано несколько семей, и это на 30 квадратных метров. Сперва это была одна семья, потом сын женился, дочь вышла замуж, и так далее... Разумеется, на этих площадях они не проживают. Но никто не хочет упустить возникший лакомый случай. Это все нормально и понятно, и даже справедливо. Ненормально другое — если эта жилплощадь расселяется некой третьей стороной, а потом перепродается нам...

— **Что вы делаете, если живущие в коммунальных людях не хотят покидать свои квартиры?**

— Нам приходится договариваться с каждым жильцом отдельно. Цена квадратного метра того жилья, которое они себе выбирают, давно уже перевалила «нормальную» или, даже скажем, «максимально нормальную» цифру. Поэтому идеально было бы, чтобы город выделил нам строительное пятно, на котором мы бы выстроили новый дом. Из расчета, допустим, 1500 долларов за квадратный метр (что, кстати, очень высокая цена). Добавлю, что даже из этого далеко не дешевого расчета переселение в новое здание всех расселяемых нами жильцов и выполнение всех остальных условий инвестиционного договора все равно обошлось бы нам дешевле. И городу это тоже было бы выгодно. А что происходит вместо этого? Отдельные конкретные люди, конкретные компании скупают комнаты в коммунальных, после чего втридорога перепродают их нам...

— **Должны ли городские власти принимать участие в расселении коммунальных квартир?**

— Надо целенаправленно принимать законы и выстроить такую систему, когда инвестор будет стучаться в одну дверь, где ему дадут конкретные условия. Пусть они будут дорогие, но ясные! И тогда серьезные инвесторы придут. Я убежден, что те большие, очень богатые западные компании, если бы у них были простые решения для инвестиций, — безусловно, они пришли бы.

— **Вы довольны тем, что сейчас происходит с центром города?**

— Я сейчас изложу свое понимание реконструкции центра. Но это мнение — еще и итог работы огромного коллектива людей. Все это

Daniel Biskup

Александр Ебралидзе знает, что делать с историческим центром Петербурга

уже реализовано нами практически и сегодня реализуется дальше.

В подавляющем большинстве зданий в центре города картина ужасающая: коммуникации регулярно протекают, подвалы затоплены... Укрепляя фундамент Талион Клуба и «Елисей Палас отеля», мы обнаружили, что один из подвалов высотой в 2 метра на более чем три четверти был заполнен фекалиями, копившимися там десятилетиями... Декларировать, что «здесь живут люди», что «вся эта жизнь уже стала частью Санкт-Петербурга», — все это вроде бы слова очень правильные. На первый взгляд. На самом деле они только звучат правильно в отрыве от данного контекста. Это просто удобные слова для бездельников потребительского толка. Разве это правильно, жить в историческом здании, находящемся в аварийном состоянии, в здании, загорание любой части которого чревато разрушением всего дома? Жить в центре Петербурга — дорогое удовольствие. Это так же дорого, как проживание в центре любого цивилизованного города, богатого культурным наследием.

— **Так можно что-нибудь сделать с центром?**

— Положение исторического центра Петербурга — я убежден — можно исправить в те-

чение 3 — 5 лет. Причем радикально. Если правильно сформулировать условия компаниям или частным предпринимателям, желающим инвестировать деньги в реконструкцию центра. Талион Клуб — хороший пример. Это здание раньше было ветхим. Было. На сегодняшний день оно полностью реконструировано: мы усилили фундамент, поменяли все перекрытия, с двух сторон взяли в металлические обоймы каждую стену, а затем дополнительно укрепили их специальным составом, постелили новую кровлю... То есть создали новую конструкцию, сохранив при этом исторический внешний вид данного объекта.

До реконструкции отеля мы расселили 22 коммуналки. Это значит, что примерно 60 семей получили отдельные квартиры. Подчеркну: там, где они выбирали. И это не все: если до 1993 года на здание надо было тратить деньги, именно тратить, чтобы содержать его и сохранять — более того, это только видимость «сохранения» здания, — то сегодня здесь работают 400 человек. На сегодняшний день только прямых налогов мы платим порядка 100 тысяч долларов в месяц. В 2004 году, с учетом того, что налог на имущество возрастает, эта сумма увеличится.

Так вот, возьмите любое такое же здание. Дайте условия инвестору. Ограничьте выполнение этих условий определенными рамками — и процесс пойдет.

— **Есть ли примеры похожего на ваш подхода к реконструкции?**

— Может, то, что я вам скажу, прозвучит нескромно, но... убежден, что по сложности проведенной у нас реконструкции и по сложности сохранения историко-культурного наследия наш проект не имеет равных в Петербурге — среди частных инвестиций. А может быть, и в России.

Первый пример в городе дал, наверное, академик Спасский. Он и подтолкнул меня к идее реконструкции. Спасский построил бизнес-центр — там, где раньше был ресторан «Кавказский». На первом этаже там магазины, в том числе и «Стокманн». Здание полностью реконструировали — так же как это сделали мы. Только он был первым. И когда Игорь Дмитриевич был у нас в гостях, он спросил у меня: «Скажи честно, ты с меня взял пример?» Я ему сказал: «Да, с вас...» Так что мы не единственные. А еще есть Владимир Михайлович Гольман, который так же реконструировал дом рядом с «Чернышевской». С Гольманом я советовался в течение всей нашей реконструкции. Он мне очень помог.

Знаете, перед вашим приходом я еще раз мысленно прошелся по Невскому проспекту... Город развивается. В здании бывшего ресторана «Москва» — гостиница «Рэдиссон». Самая «свежая» реконструкция — бывшее кафе «Север». Сейчас там построили очень красивый комплекс. Так что процесс в любом случае будет идти. Но при сегодняшних медленных темпах успеет еще обрушиться, наверное, не один дом — и с ними придется что-то делать. Смотрят в пожаре другие дома, и тоже придется что-то делать... Недавние происшествия в центре города — обрушения домов на Марата и на Стремляной, пожар на Невском, появление многочисленных трещин в различных зданиях, все эти моменты — они подсказывают, что пора в процесс вмешаться. А дальше все очень просто: уверяю вас, при активной помощи исполнительной власти и выработке четких условий вопрос будет решен в течение трех-пяти лет. А если будет продолжаться так, как идет сегодня, то никогда.

— **И что должна власть сделать?**

— Власть должна осознать свою ответственность. Надо идти на конкретные, не совсем популярные действия. Надо принимать законы. Представьте себе: пришел инвестор. Допустим, «Хилтон» или «Мариотт». Большая западная компания. Говорит: «Я хочу построить гостиничный комплекс. Или зону шопинга». Ему говорят: «Вот, пожалуйста, мы вам даем... — и указывают конкретные адреса. Только, знаете, там надо расселить сорок коммунальных квартир». Инвестор говорит: «Нет проблем! Куда перечислять деньги? Назовите сумму!» Ему говорят: «Сумму-то мы вам назовем, но сперва вы должны расселить 40 коммунальных квартир, каждая площадью от 200 до 400 квадратных метров и в каждой проживает по 7 — 10 семей...» Западный инвестор — он не понимает таких вещей. Он готов заплатить, но он не будет вести переговоры и решать вопросы с каждым человеком в отдельности. Он этого не понимает. Вот над чем надо думать. Надо облегчить путь прихода инвестора к реальным действиям. Другого выхода нет. А значит, эти функции должна взять на себя исполнительная власть. Но я скажу, что сдвиги положительные есть. Но это легко говорить — тяжело делать. Законы принимать тяжело.

— **Представим ситуацию: гражданин отремонтировал свою квартиру, приватизировал ее и никуда с Невского проспекта выезжать не хочет.**

— Вопрос не ставится — «быть или не быть». Существует определенное, очень конкретное решение. Данный гражданин может поучаствовать в реконструкции данного объекта — пропорционально занимаемой им площади. Это совершенно логично. Потому что ты занимаешь, например, второй этаж и сделал на нем косметический ремонт — в то время как фундамент и стены дома непригодны для жилья, крыша протекает, котельная, обогревающая твой дом, не годится, нет дополнительных энергетических мощностей... Логично, что всю эту инфраструктуру надо выстраивать. И если ты хочешь остаться — нет проблем. Поучаствуй! В той реконструкции, которая тебе предлагается.

Поясню на примере. По проекту «Талион-2» мы перечислили в инфраструктуру города около 1 миллиона 700 тысяч долларов. Для решения вопроса дополнительных мощностей мы перечислили «Ленэнерго» около 250 тысяч долларов. За свой счет построили и передали в собственность города современную котельную, обошедшуюся нам в 180 тысяч долларов. Вот выполненные нами условия инвестиционного договора. Если кто-то из владельцев приватизированных квартир желает остаться — он мог бы поучаствовать в финансировании данного проекта в объеме, пропорциональном занимаемым им площадям.

— **Это в сумме сколько получается?**

— Считайте: в инфраструктуру города перечислено суммарно более 2 млн. долларов. На реконструкцию и отдельные работы в целом потрачено более 45 млн. долларов. На саму реконструкцию — около 20 млн. Сумма, затраченная на инфраструктуру и реконструкцию, равна примерно 22 млн. долларов на 10 с половиной тысяч кв. метров. Соответственно, если речь идет о квартире в 100 кв. метров, то сумма участия жильца составит примерно чуть больше 200 тысяч долларов.

Думаю, что надо выработать и законодательно утвердить некую формулу — исходя из затрат на реконструкцию и пропорционального соотношения занимаемых жильцом площадей

к общей площади объекта. Если, конечно, жилец хочет остаться.

— **Недешевое удовольствие!**

— Никто не ищет ссоры. Я просто говорю о том, что вопрос сам собой не решится, его надо решать. Надо выработать систему законов, обеспечивающую настоящую, а не косметическую реконструкцию центра Петербурга. При максимальном сохранении интересов как проживающих, так и всех остальных заинтересованных участников процесса. Я говорю именно так, потому что не надо никого ущемлять. Надо искать решение. Законное решение, которое будет осуществляться поэтапно. В одном случае договоренность может быть достигнута путем компромиссов и переговоров — так, как мы делаем это сегодня. Но это длительный путь. Второй путь — это когда городские власти возьмут на себя решение многих сложных вопросов. Потому что законы нужно принимать даже не на уровне Законодательного собрания, это должны быть федеральные законы.

— **Как вы относитесь к переносу в Петербург столичных функций?**

— В 1697 году царь Петр Алексеевич в Саарме, в Голландии, встречает двух аباطов, которые говорят ему, что они основали Сан-Пауло — город святого Павла, будущую столицу всего мира. Петр им отвечает, что на Балтике он будет основывать город святого Петра — будущую столицу всего мира. Более неподходящего места для строительства не только столицы, но даже простого города, чем то место, на котором построен Санкт-Петербург, найти тяжело. Это очень некомфортное место для строительства. Я убежден, что, начав строить Петербург, Петр осуществил божественную волю. Теперь это уже ни от кого не зависит: ни от вас, ни от Петрова, ни от Сидорова, ни от Лужкова... Столица обязательно будет в Петербурге — так предначинено свыше. Это просто вопрос времени. Российская империя началась с Петербурга, и возрождение России, в практической плоскости, будет оформлено переносом столицы в Петербург.

— **И Питер превратится в такое же малопривлекательное для жизни место, как Москва?**

— И Питер превратится в процветающий город, процветающую столицу. Будут реконструированы все дома — не только в центре. Во всем Петербурге. Будут построены дороги, гостиницы. Прилетая в Пулково, вам не будет стыдно, что вас встретят два «кукурузника» — как будто это деревня, а не столичный город. Будут новые вокзалы, аэропорты, трасса «Формулы-1». Это будет процветающая страна. Начало — обязательно — с переноса столицы... — **Вы ведь занимаетесь не только клубом «Талион». Что еще входит в вашу империю?**

— Это прежде всего Талион Клуб. Мы публичная компания. Абсолютно все про компанию, всю информацию можно взять из официальных источников. Последнее событие: 18 марта компания «Елисей Палас отель» — стопроцентно дочерняя компания Центра гуманитарного и делового сотрудничества — разместила облигации на 300 млн. рублей. Я не хочу комментировать все те абсолютно абсурдные и возмутительные для меня публикации, которые я вижу раз месяц или в два месяца.

Все очень просто. Я сейчас покажу меморандум, который был выпущен нами для получения облигационного займа. Это официальный документ. Здесь видно все. Зачитываю: группа компаний ЦГДС. Девелопмент: ЦГДС. «Елисей Палас отель» и компания под названием «Фиду». Дальше. Чем занимается ЦГДС — это гос-

тиничный бизнес. Игорный бизнес. Ресторанный бизнес. Кинопоказ — это ОАО «Баррикада». Порядка 95 — 96 процентами этого акционерного общества владеет «Елисей Палас отель». Дальше — вспомогательные направления. Это туристические услуги. ОАО «Талион». Концертная деятельность — ЗАО «Талион Артис». Издательская деятельность это так же ООО «Талион». Обеспечение безопасности — охранная структура «Спайде». Финансово-кредитные структуры — Констанс-банк, образовательная деятельность — Юридическая академия. Вот официальный, легальный документ.

— **Каким образом вы решаете, что необходимо заняться еще одним направлением в бизнесе?**

— Здесь у нас на первом этаже часть помещений раньше арендовал Констанс-банк. В некоторых СМИ я прочитал, что имею к нему какое-то отношение. Эта информация подвигла меня к изучению вопроса о банковском бизнесе. И недавно, месяца семь-восемь назад, я просто купил акции Констанс-банка. Так что нужную информацию из газетных слухов о себе самом я извлекаю и использую. Или вот, сейчас я обратил внимание, что я «имею некое отношение к порту» — начал изучать этот вопрос. И если приду к такому убеждению, что для бизнеса это полезно, то дальше буду, наверное, рассматривать вопрос о покупке части акций торгового порта Санкт-Петербурга. — **Вас называют влиятельным в Петербурге человеком...**

— Давайте так: не надо ничего преувеличивать. Я ничего не преуменьшаю, но и преувеличивать тоже, мне кажется, не стоит. Я занимаюсь очень конкретным делом, и в моей конкретной деятельности все совершенно ясно. Не в плане домыслов, вопросов. Я не могу отвечать на всякие бредовые высказывания. Потому что тогда только этим и надо заниматься. Но хочу вам сказать, что десять лет я терпел. Терпел по одной причине — чтобы не говорить, а показать. Есть что показать — вот что самое главное. Не говорить, а показать то, что уже сделано.

— **Вы считаете себя удачливым человеком?**

— Удачливый я человек или нет — наверное, это вопрос, который надо задавать перед смертью, когда жизнь заканчивается. И если просматривать эпизодично, взять конкретную ситуацию — наверное, да. Буду ли я стремиться развивать данное положение — уверяю, стою на месте я не буду.

— **Вы — игрок?**

— Я не игрок. Казино меня не привлекает. Это тот бизнес, от которого мы постепенно будем уходить. Казино в Талион Клубе, наверное, все же не закроется, но других, думаю, не будет: просто игорный бизнес создает дополнительные сложности, дополнительную базу для разных домыслов и совершенно абсурдных интерпретаций.

— **Есть у вас какая-нибудь мечта?**

— Мечтаю жить в свободной и обязательно имперской стране.

— **Свободной — понятно. Но почему имперской?**

— Имперская страна в моем понимании — значит страна великая. Страна, в которой каждый солдат, отстаивающий ее интересы, обязательно должен знать, что его похоронят и что за его могилой будут ухаживать. Он должен знать, что на его могиле обязательно будут его имя и фамилия, даты рождения и смерти, что о нем будут знать, что его будут помнить. Это если вкратце. Должна быть идея, должна быть цель, и все это надо осуществлять...

Павел ДЬЯКОНОВ